

Н.В. Гербель

Собрание сочинений Гете

Том третий

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н.В. Гербель**
Собрание сочинений Гете: Том третий / Н.В. Гербель – М.: Книга по Требованию, 2021. – 467 с.

ISBN 978-5-458-14421-6

Собрание сочинений Гете в переводе русских писателей. Второе издание под редакцией Петра Вейнберга. Том третий.

ISBN 978-5-458-14421-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИФИГЕНІЯ ВЪ ТАВРИДѢ.

ТРАГЕДІЯ.

ПЕРЕВОДЪ

АЛЕКСАНДРА ЯХОНТОВА.

(1787 г.).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ нашемъ вступленіи къ фарсу «Боги, Герои и Виландъ» (см. 2-й т. настоящаго изданія) мы говорили о глубоко-сочувственномъ отношеніи Гёте къ Эврипиду, находившемся въ связи съ его поклоненіемъ греческому искусству вообще. Трагедія «Ифигенія въ Тавридѣ» явилась первымъ художественнымъ проявленіемъ этихъ чувствъ и воззрѣній поэта.

Между трагедіями Эврипида «Ифигенія въ Тавридѣ» занимаетъ, какъ извѣстно, одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ; но уже до чтенія этого произведенія Гёте познакомился съ греческимъ драматургомъ по двумъ другимъ его трагедіямъ, гдѣ играетъ главную роль то самое лицо, которое и въ «Ифигеніи» стоитъ на первомъ планѣ, именно Орестъ. Эти трагедіи—«Орестъ» и «Электра», и, по сдѣланному только недавно проф. Шрёеромъ указанію и замѣчанію, Гётевская «Ифигенія» носитъ на себѣ слѣды непосредственнаго впечатлѣнія, произведеннаго на автора тою и другою пьесою Эврипида, хотя конечно окончательнымъ стимуломъ къ созданію «Ифигеніи» послужила ему греческая трагедія съ тѣмъ же заглавіемъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ замѣчаетъ Шрёеръ, въ «Орестѣ» и «Электрѣ» Эврипида на Гёте произвела сильное, потрясающее дѣйствіе личность Ореста, потому что въ той обстановкѣ, въ которую ее поставилъ на основаніи мифа греческій трагикъ (т.-е. въ душевныхъ мукахъ послѣ убійства матери, преслѣдованіи Эмениды и т. п.)—въ этой обстановкѣ молодой въ то время нѣмецкій поэтъ нашелъ большое сходство между этою личностью и тѣмъ, что происходило въ его собственной душѣ. Это было между 1773 и 1775 годами. «Буря и натискъ его внутренняго міра чувствовали влеченіе къ колоссальному выраженію скорби Ореста, онъ самъ чувствовалъ себя Орестомъ и въ его исцѣленіи (послѣ того, какъ было искуплено его матереубійство) чувствовалъ свое собственное выздоровленіе». На это въ біографическихъ свѣдѣніяхъ, къ той порѣ относящихся, въ собственныхъ письмахъ Гёте и т. п. есть нѣсколько несомнѣнныхъ указаній, напр. хотя бы слѣдующія слова въ одномъ письмѣ (1775 г.) по возвращеніи изъ поѣздки въ Швейцарію: «Быть можетъ, невидимый бичъ *Эмениды* скоро *сноза* погонитъ меня изъ отечества». Эту же личность встрѣтилъ онъ и въ Эврипидовской «Ифигеніи»; но тутъ рядомъ съ несчастнымъ, мучимымъ внутренними терзаніями Орестомъ явилась ему Ифигенія, какъ примиряющее начало (хотя греческій трагикъ не въ ней олицетворилъ идею искупленія Ореста), и такъ какъ онъ самъ въ это время нашелъ себѣ нравственное, успокоительное прибѣжище въ г-жѣ Штейнъ *), то подъ этими ли-

*) См. біографію Гёте, въ I т. нашего изданія.

тературными и личными впечатлѣніями возникла у него мысль написать свою «Ифигенію въ Тавридѣ».

Первая редакція ея, послѣ трехлѣтняго приготовленія, была написана въ 1779 г. прозою, и хотя авторъ характеризовалъ ее, какъ «болѣе проектъ, чѣмъ окончательное выполненіе», но въ этомъ видѣ она въ тотъ годъ была представлена на придворномъ веймарскомъ театрѣ, при чемъ знаменитая Корона Шрётеръ играла Ифигенію, а самъ Гёте—Ореста, «Никогда—писалъ извѣстный докторъ Гуфеландъ уже послѣ смерти автора—не забуду я впечатлѣнія, произведеннаго имъ при появленіи на сцену, въ греческомъ костюмѣ, въ роли Ореста; точно Аполлонъ явился передъ нами. Никогда еще не видѣли такого соединенія, въ одномъ человѣкѣ, физическаго и нравственнаго совершенства и красоты». Но эту первую редакцію авторъ не удовлетворилъ; его поэтическое чутье подсказывало ему, что при всемъ художественномъ достоинствѣ *прозаической* формы, въ которой пьеса была написана («поэтическая проза», какъ онъ самъ называлъ ее), сюжетъ, классическій духъ и классическая обстановка требовали непремѣнно формы стихотворной, и именно благо стиха. И онъ скоро принялся за передѣлку прозы въ стихи, причемъ не малую роль играли и настоянія Гердера. За эту вторую редакцію, снова неудовлетворившею автора, послѣдовала третья, въ которой стихи были опять замѣнены прозою. Наконецъ, послѣдняя редакція снова стихотворная—та, въ которой она установилась уже навсегда—была сдѣлана уже во время путешествія Гёте въ Италію и появилась въ свѣтъ въ 1787 г.; въ этомъ видѣ она напечатана и у насъ. Приведемъ еще, что представленная теперь снова на сценѣ, она успѣха не имѣла, и авторъ предвидѣлъ это, когда писалъ одному изъ своихъ друзей: «если бы я хотѣлъ сдѣлать мою пьесу любовною нашимъ театрамъ и нашей публикѣ, то мнѣ слѣдовало бы многое измѣнить въ ней». Но онъ не сдѣлалъ этого, руководимый высшими художественными соображеніями, и уже въ 1802 г. предоставилъ Шиллеру произвести въ «Ифигеніи» нѣкоторыя измѣненія, сообразно сценическимъ условіямъ. Въ этомъ видѣ она и играется въ настоящее время съ успѣхомъ на нѣмецкихъ сценахъ.

Въ послѣдней редакціи «Ифигеніи» новаго, сравнительно съ первой, собственно только форма, все остальное въ сюжетѣ, планировкѣ, существенныхъ подробностяхъ осталось неизмѣненнымъ. Сюжетъ взятъ у Эврипида, (причемъ нѣкоторыя черты заимствованы изъ его «Ореста» и «Электры») — у котораго онъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Ифигенія служитъ жрицею Діаны въ храмѣ богини на берегу Тавриды; сюда же является ея братъ Орестъ (котораго она считаетъ умершимъ), пріѣхавшій со своимъ другомъ Пиладомъ, чтобы похитить и увести въ Атику статую Діаны; будучи преслѣдуемъ фуриями, мстящими ему за убійство матери, онъ находится въ такомъ возбужденномъ состояніи, что его принимаютъ за одержимаго безуміемъ. Такъ какъ чужеземцамъ запрещено подъ страхомъ смерти вступать на эту священную землю, то скифскій царь Тавриды велитъ принести ихъ обоихъ въ жертву и возлагаетъ эту обязанность на Ифигенію. Она, съ ужасомъ и отвращеніемъ принимая это приказаніе, зоветъ къ себѣ двухъ плѣнниковъ, спрашиваетъ Ореста о принимавшихъ въ троянской войнѣ участіе герояхъ Греціи, слышитъ о страшной судьбѣ своего отца, Агамемнона, убитаго его матерью Клитемнестрою, знакомится со всею исторіею самого Ореста (т. е. умерщвленіе имъ матери, преслѣдованіе его фуриями и т. д.). Скоро послѣ того братъ и сестра узнаютъ другъ друга, и Орестъ сообщаетъ ей, для чего собственно онъ съ Пиладомъ пріѣхалъ въ Тавриду. Выслушавъ этотъ рассказъ, Ифигенія сама придумываетъ средство, какъ завладѣть статуею богини: она объявляетъ, что такъ какъ

на Орестъ и Пиладъ лежитъ кровавое преступленіе, то, предварительно принесенія ихъ въ жертву, надо ихъ очистить отъ грѣха, точно такъ же, какъ нужно омыть въ морскихъ волнахъ статую Діаны, оскверненную прикосновеніемъ этихъ преступныхъ чужеземцевъ. Царь Тоасъ вѣритъ этому измышленію, и тогда Ифигенія, вмѣстѣ съ двумя плѣнниками и стражей, неся въ рукахъ статую, отправляется на берегъ моря. Но скоро царю доносятъ, что чужеземцы, изъ которыхъ одинъ оказался Орестомъ, отплыли-было съ Ифигеніею и статуею Діаны, и что только вѣтеръ и противное теченіе заставили ихъ возвратиться. Разгнѣванный царь приказываетъ немедленно схватить обманщиковъ-грековъ и грозитъ имъ казнь; но тутъ появляется богиня Афина, повелѣвающая Тоасу не преслѣдовать грековъ, такъ какъ похищеніе статуи богини и ея жрицы совершилось по волѣ боговъ и такъ какъ Орестъ воздвигнетъ въ Атикѣ храмъ Діаны, гдѣ Ифигенія будетъ жрицею; Афина выражаетъ также желаніе, чтобы и всѣмъ греческимъ прислужницамъ Ифигеніи дозволено было возвратиться въ отечество,—и Тоасъ исполняетъ волю богини.

Въ обработкѣ матеріала, оказавшагося въ распоряженіи Гёте и который былъ сохраненъ имъ, собственно какъ матеріалъ, почти цѣликомъ, онъ, конечно, не явился слѣпымъ подражателемъ, а переработалъ его сообразно взглядамъ и потребностямъ современнаго человѣка съ одной стороны, и своимъ личнымъ ощущеніямъ—съ другой, и сдѣлалъ это относительно не только формы, но и содержанія — понимая здѣсь подъ содержаніемъ не подробности завязки и развязки, а духъ, внутреннюю сущность произведенія. Оставшись совершенно вѣренъ преданію въ главныхъ чертахъ, поэтъ отбросилъ, измѣнилъ тѣ, которыя могли имѣть значеніе только для грековъ и не заключали въ себѣ ничего обще-человѣческаго. Трагедія Эврипида, не смотря на свои огромныя достоинства, была, какъ и большая часть древнихъ произведеній, лишена психологической основы; ея дѣйствіе обуславливается внѣшними, случайными обстоятельствами: такъ, примиреніе Ореста съ богами зависитъ отъ возвращенія имъ въ Грецію статуи богини Діаны. Развязка слѣдовательно совершенно внѣшняя; Гёте же развязалъ дѣйствіе внутреннимъ процессомъ въ душѣ дѣйствующаго лица его трагедіи; онъ самъ говоритъ, что его «Ифигенія въ Тавридѣ» богата внутреннею жизнью и бѣдна внѣшнею. Этотъ внутренний элементъ олицетворенъ, главнымъ образомъ, въ самой Ифигеніи, — въ лицѣ которой Гёте, какъ мы уже замѣчали, воспроизвелъ и нѣкоторыя существенныя черты г-жи Штейнъ, или, вѣрнѣе говоря, тѣ черты, которыя онъ находилъ въ этой женщинѣ, примирившей его съ жизнью, какъ примирила, по его воззрѣнію, Ифигенія Ореста, бывшей для него такою «сестрою» (онъ такъ и называлъ ее), какою была дочь Агамемнона для своего брата. Съ этой личностью тѣсно соединена идея искупленія, примиренія. Она является предъ нами, какъ идеаль чистоты челоѣчественности, или — такъ какъ Гёте вообще предпочитаетъ олицетворять этотъ идеаль въ характерахъ женскихъ—какъ первообразъ прекрасной, чистѣйшей женственности. Все ея существо проникнуто такимъ спокойствіемъ, такимъ миромъ, такою кротостью, что даже грубая сила варваровъ смягчается, облагораживается ими... Если она изливаетъ благословеніе на всѣхъ окружающихъ ее, то какъ же не коснется оно ея родныхъ! И дѣйствительно, братъ (въ лицѣ котораго, какъ мы тоже уже замѣтили, Гёте видѣлъ отраженіе своихъ «бурныхъ» ощущеній въ ту пору, какъ онъ познакомился съ нимъ въ «Орестѣ» Эврипида) — братъ находитъ въ ней искупленіе отъ проклятія, подъ которымъ онъ страждетъ: «отъ твоего прикосновенія,—говоритъ онъ,—благодаря тебѣ, я наслаждаюсь нынѣ новымъ свѣтомъ дня»... Какое значеніе самъ Гёте придавалъ этому искупленію грѣха посредствомъ Ифигеніи, видно изъ стихотворенія, которое онъ написалъ, посылая экземп-

ляръ своей трагедіи одному актеру, и которое оканчивалось стихами: «Alle menschliche Gebrechen-Sühnet reine Menschlichkeit», т.-е. «всѣ человѣческія слабости и преступленія искупаютъ чистая человѣчественность».

Если эта трагедія по духу, которымъ она проникнута, знаменуетъ собою вступленіе творчества Гёте на новый путь—путь гармоническаго успокоенія, внутреннихъ бунтующихъ силъ, то тоже самое должно сказать о внѣшней формѣ ея (въ послѣдней редакціи). Поклоненіе чистому искусству въ лучшемъ, высшемъ его проявленіи, и глубокое чутье, пониманіе этого искусства сказались въ полномъ блескѣ въ этой формѣ, гдѣ каждый стихъ дышетъ чисто античною красотою, и гдѣ вообще — независимо собственно отъ стиха — изображеніе достигаетъ высшей степени художественности—по удивительной пропорціональности и соблюденію мѣръ во всѣхъ подробностяхъ его, по «величавому спокойствію въ постоянномъ движеніи», по отсутствію всякаго отвлеченнаго морализированія, по многимъ другимъ драгоценнымъ достоинствамъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИФИГЕНІЯ.
Тоасъ, царь Тавриды.
Орестъ.

Пилладъ.
Аркасъ.

Мѣсто дѣйствія: Роца предъ храмомъ Діаны.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ИФИГЕНІЯ.

Подъ вашу тѣнь, вершины вѣковья
Священной, темной роци, прихожу,
Какъ въ тихое святилище богини;
И то же чувство трепета во мнѣ,
Какъ будто бы взошла въ нее впервые.
Нѣтъ, духомъ здѣсь еще не свыклась я.
Ужъ много лѣтъ высокая та воля,
Которой предалася я вполнѣ,
Хранить меня въ уединеннѣ тихомъ;
Но я всему, по прежнему, чужда.
Меня пучина моря отдѣляетъ
Отъ милыхъ сердцу; здѣсь, на берегу,
Стою по цѣлымъ днямъ я и душою
Ищу прекрасной греческой земли.
Но смутные, глухіе только звуки
Издалека приносятъ мнѣ волна
На встрѣчу вырывающимся вздохамъ.
О, горе той, которая вдали
Отъ сродниковъ и отъ подругъ любимыхъ,
Дни, годы въ одиночествѣ влачить!
Отъ усть ея дары прямого счастья
Отводитъ прочь тяжелая тоска.
Всегда назадъ ея несутся мысли
Къ родительскому крову, гдѣ предъ ней
Впервые небо солнцемъ просіяло,
Гдѣ сверстницы, играя, крѣпче все
Съ ней сладостными узами сплетались.
Съ богами я судиться не могу...
Но какъ жалка, печальна участь женщины!
Мужъ—властелинъ въ дому и на войнѣ,

Онъ самъ себѣ подпора на чужбинѣ;
Счастливитъ обладаніе его,
Вѣнецъ плететь челу его побѣда
И честная ему готова смерть.
А счастье слабой женщины! Какъ узко,
Какъ тѣсно ограничено оно!
Суровому повиновенье мужу —
Для сердца утѣшеніе и долгъ;
Но какъ жалка она, когда въ чужбину
Ее влечетъ невѣрная судьба.
Такъ держать и меня въ цѣпяхъ священныхъ
Тоасъ, мужъ благородный, какъ рабу.
Съ какимъ стыдомъ я сознаюсь, богиня,
Что здѣсь тебѣ, заступницѣ моей,
Служу съ нѣмымъ смиреньемъ, противъ воли!
Свободному служенію тебѣ
Всю жизнь мою я посвятить хотѣла;
Надѣялася твердо—и теперь
Лишь на тебя, Діана, уповаю.
Ты царскую, отверженную дочь
Здѣсь приняла въ священныя объятія.
Да, дочь Зевеса, ежели спасла
Ты равнаго богамъ Агамемнона,
Принесшаго возлюбленную дочь
Съ смиреньемъ на алтарь твой, отъ высокихъ
Троянскихъ стѣнъ отечеству вождя
Съ добычею и славой возвратила
И лучшія сокровища его—
Супругу, сына, юную Электру,
Отъ бѣдъ, грозившихъ имъ, уберегла,
То и меня отдай всѣмъ близкимъ сердцу
И, ужъ тобой спасенную, спаси
Отъ новой смерти—жизни на чужбинѣ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ИФИГЕНІЯ и АРКАСЪ.

АРКАСЪ.

Меня мой царь привѣтствовать прислалъ
Діаны добродѣтельную жрицу.
Благодарить Таврида въ этотъ день
Богиню за чудесныя побѣды:
Спѣшу царю и войску возвѣстить,
Что время имъ приблизиться ко храму.

ИФИГЕНІЯ.

Готовы мы достойно ихъ принять:
Богиня наша милостивымъ окомъ
Глядитъ на жертвы, сладостныя ей,
Рукою приносимыя Тоаса.

АРКАСЪ.

О, если бы и взоръ достойной жрицы,
Твой взоръ, святая дѣва, былъ свѣтлѣй—
Намъ вѣстникомъ сиялъ бы онъ отраднымъ!
Еще облечена ты грустью тайной:
Напрасно мы ужъ многіе года
Ждемъ отъ тебя довѣрчиваго слова;
Все тотъ же взглядъ, передъ которымъ я
Всегда объятъ смущеніемъ невольнымъ,
И, кажется, душа твоя въ груди
Закована желѣзными цѣпями.

ИФИГЕНІЯ.

Какъ свойственно бездомной сиротѣ,
Изгнанницѣ.

АРКАСЪ.

Какъ! Здѣсь ли сиротою,
Изгнанницей считаешь ты себя?

ИФИГЕНІЯ.

Чужбина ли отечество замѣнить?

АРКАСЪ.

Но край родимый сталъ тебѣ чужимъ.

ИФИГЕНІЯ.

Не привыкаетъ къ мысли этой сердце,
Точащееся кровью. Въ тѣ года,
Когда оно едва лишь начинало
Любить отца, и мать, и подругъ,
Когда отъ старыхъ корней такъ любовно
Отростки молодые къ небесамъ
Стремилися, другъ съ другомъ соплетааясь—
Тогда отяготѣло надо мной,
Увы! проклятье страшное; отъ милыхъ
Меня отторгло; сладостный союзъ
Безжалостной рукою разорвало.
Не стало лучшей радости въ душѣ,
Которую даруетъ только юность.
Спасенная отъ гибели, тогда
Я тѣнию самой себѣ казалась,
И болѣе во мнѣ не расцвѣтаетъ
Цвѣтъ жизненный—душевная веселость!

АРКАСЪ.

Несчастною считаешь ты себя:
Я вправѣ звать тебя неблагодарной.

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, благодарность въ сердцѣ я храню.

АРКАСЪ.

Да, но не ту живую благодарность,
Которая одна вознаграждаетъ
Благодѣянье. Гдѣ веселый взглядъ,
Довольство жизнью, преданное сердце

Такъ ясно отражающи въ себѣ
Когда во храмъ божественной Діаны
Таинственно ввела тебя судьба,
Тоась съ благоговѣньемъ и любовью
Пришелъ къ тебѣ, избранницѣ боговъ;
Тебя привѣтно встрѣтилъ этотъ берегъ,
Для иноземца страшный искони.
Никто тогда, ты знаешь, въ наше царство
Вступить не могъ, чтобъ жертвою не пасть
Ко алтарю священному Діаны,
По древнему обычаю страны.

ИФИГЕНІЯ.

Одна ли жизнь даруетъ намъ отраду
Дышать свободно? Нѣтъ! И что за жизнь,
Которую, въ священномъ этомъ мѣстѣ,
Я суждена оплакивать, какъ тѣнь,
Стенящая надъ собственной могилой?
Могу ль самосознательной и милой
Назвать ту жизнь, въ которой каждый день,
Умчавшійся въ мечтахъ, въ надеждахъ тщетныхъ,
Къ тѣмъ горестнымъ приготовляетъ днямъ,
Которые печальный сонмъ почившихъ,
На безнадежныхъ Леты берегахъ,
Въ своемъ самозабвеньи торжествуетъ?
Безъ пользы жизнь не ранняя ли смерть?
Вотъ участь женщинъ, вотъ что подарила
И мнѣ судьба!

АРКАСЪ.

Сама передъ собой
Ты бесполезной кажешься. Прощаю
Я гордость благородную твою,
Но о тебѣ жалѣю: эта гордость
Тебѣ самой мѣшаетъ въ тишинѣ
Текущимъ благомъ жизни наслаждаться.
Ты ль ничего не сдѣлала для насъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ дни свои проводишь съ нами?
Кто обновилъ смущенный духъ царя?
Кто этотъ древній, варварскій обычай,
Которымъ обрекаемъ былъ на смерть
Діанѣ въ жертву каждый иноземецъ,
Годъ отъ году любовно такъ смягчалъ?
Кто столько разъ спасалъ отъ смерти плѣнныхъ,
Къ отчизнѣ путь указывая имъ?
И грозная Діана, вмѣсто гнѣва,
За то, что жертвъ лишала ты ее,
Не вяла ли мольбѣ твоей смиренной?
Надъ войскомъ царскимъ, съ громкимъ торжествомъ,
Не носится ль крылатая побѣда?
Не каждый ли благодаритъ судьбу?

Не съ тѣхъ ли поръ и царь, который мудро
И долго такъ владычествуютъ здѣсь,
Въ присутствіи твоёмъ узналъ отраду
Щедротъ и милосердія, а намъ
Долгъ облегчилъ слѣпому послушанья?
И это все считаешь ты ничѣмъ,
Ты, льющая на всѣхъ бальзамъ отраднѣй,
Источникомъ неистощимыхъ благъ
Богами ниспосланная народу,
Дарующая сладостный возвратъ
Въ отчизну и спасенье иноземцамъ
На негостепріимныхъ берегахъ?

ИФИГЕНІЯ.

Кто видитъ, что свершить еще осталось,
Тотъ малаго заслугой не сочтеть.

АРКАСЪ.

Но какъ хвалить того, кто не умѣетъ
Цѣнить своихъ дѣйствительныхъ заслугъ?

ИФИГЕНІЯ.

Не такъ же ли достоинъ порицанья
Кто хвалится заслугами?

АРКАСЪ.

И тотъ,

Кто, гордостью руководимъ, не цѣнитъ
Достоинствъ неотъемлемыхъ своихъ.
Повѣрь же мнѣ и не отричь совѣта
Того, кто преданъ истинно тебѣ:
Когда бы царь повелъ съ тобой бесѣду
Сегодня, облегчи ему сама
То высказать, что онъ открытъ желаетъ.

ИФИГЕНІЯ.

Какъ добрымъ каждымъ словомъ ты меня
Страшишь сегодня! Часто я избѣгнутъ
Старалася признанія его.

АРКАСЪ.

Размысли, что ты дѣлаешь, обдумай,
Пойми свою же пользу: съ той поры,
Какъ царь нашъ потерялъ родного сына,
Къ немногимъ онъ довѣріе хранить,
И къ тѣмъ не въ той ужъ мѣрѣ, какъ бывало.
На каждого изъ сыновей вельможъ
Глядитъ неблагоклонно, опасаясь,
Чтобъ въ царствѣ не наслѣдовалъ ему.
Онъ старости страшится одинокой,
Безпомощной и даже, можетъ быть,
Возстанья дерзкаго и смерти ранней.
Ты знаешь, скифъ въ придуманныхъ рѣчахъ
Высказывать не станетъ предпочтенья,
Тѣмъ меньше — царь: всегда повелѣвать